

Алексей Эпистрофэ

Зеркало

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Эпистрофэ

Зеркало

«Автор»

2026

Эпистофэ А.

Зеркало / А. Эпистофэ — «Автор», 2026

Это книга о тьме, которую мы сами зажгли. 2026 год. Мир катится в пропасть. Война на Ближнем Востоке, кризис в Европе, ядерный договор истёк, Украина теряет поддержку, а лидеры западных стран делают вид, что всё под контролем. «Зеркало» — не роман. Это художественная сборка документальной реальности. Каждый персонаж имеет реальный прототип. Каждое событие имеет дату, факт, цитату. Диалоги — вымысел. Но суть происходящего — нет. Вы узнаете: почему ЕС играет в «Голодные игры» с собственными гражданами, почему Армения стала вторым фронтом против России, почему ядерное оружие — не главная угроза (главная — тупость), и почему вода, в итоге, оказалась честнее людей. Книга не даст ответов. Она даст угол зрения, под которым старые парадоксы перестают быть парадоксами. Если после прочтения вы почувствуете, что мир стал чуть более связным — зазор сработал. Если нет — значит, вы смотрели не в зеркало. 18+. Не для тех, кто ищет лёгких ответов. Для тех, кто готов увидеть себя.

© Эпистофэ А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Эпистрофэ

Зеркало

Вводное.

Когда вы откроете эту книгу, вы можете подумать, что перед вами роман.

Это не совсем так.

Когда вы закроете её, вы можете подумать, что перед вами была политическая хроника.

Это тоже не совсем так.

«Зеркало» — это не жанр.

«Зеркало» — это **оптика**.

В нём нет вымышленных персонажей.

Есть люди, которые реально принимали решения.

Есть даты, которые реально отмечены в новостных лентах.

Есть события, которые реально происходили с февраля по сентябрь 2026 года.

Но это не документальная проза.

Потому что документальная проза отвечает на вопрос «что было».

А эта книга отвечает на вопрос «**как это выглядело из зазора**».

Что вы найдёте

Вы найдёте три части.

Первая — «Сухой асфальт». Мир, который ещё верит, что управляет собой.

Вторая — «Влажность». Мир, который начинает потеть от напряжения.

Третья — «Потоп». Мир, который утонул в собственном бессилии.

Вы найдёте диалоги, которых не было.

Но суть этих диалогов — подлинна.

Вы найдёте мысли, которые никто не произносил вслух.

Но они висели в воздухе.

Как читать

Не ищите сюжет. Сюжет — это новости.

Ищите угол.

Под каким углом автор смотрел на этих людей, на эти события, на этот год?

Если вы читаете книгу как роман — вы получите удовольствие.

Если вы прочитаете её как хронику — вы получите информацию.

Если вы прочитаете её как **зеркало** — вы, возможно, увидите себя.
Не в персонажах.

В зоре между их словами и делами, между их страхами и надеждами, между тем, что они говорили, и тем, что происходило на самом деле.

Послесловие

После того как вы перевернёте последнюю страницу, вас спросят:

«А что это было?»

Ответьте:

«Это была книга о том, как люди, которые считали себя умными, управляли миром, пока мир не утонул.

И о том, что зеркало показывает не то, что снаружи.

Оно показывает то, что внутри».

Если вы узнали себя — не бойтесь.

Если не узнали — посмотрите ещё раз.

Потому что зеркало не врёт.

Оно просто ждёт, когда вы перестанете отводить взгляд.

ЗЕРКАЛО

Роман в трех частях

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: СУХОЙ АСФАЛЬТ

Глава 1. Человек, который не знал, что он актер

Он проснулся в номере люкс. За окном было серое европейское утро, которое не обещало ничего, кроме совещаний и кофе, успевшего остыть, пока секретарши согласовывали график.

Андрей Васильев посмотрел в потолок.

Потолок был белый, ровный, без единой трещины. Такие потолки бывают только в отелях, где за всё платят другие люди. В его предыдущей жизни потолки были разными: гримерки, гостиничные номера на гастролях, съемные квартиры в Киеве. Но ни один из них не был таким правильным.

Правильные потолки вызывали у него тошноту.

— Вы сегодня встречаетесь с Генеральным секретарем, — раздалось из динамика домофона. Голос помощницы звучал так, будто она зачитывала прогноз погоды. — В одиннадцать. Потом обед с французами. Вечером телемост с Марком Стоуном.

— А если я не хочу?

Пауза. Помощница не знала, как реагировать на шутки в семь утра. За три года она так и не научилась отличать, когда он шутит, а когда говорит серьезно. Он и сам иногда переставал понимать.

— Я передам, что вы будете, — ответила она после паузы.

Андрей улыбнулся. Система работала: любую неопределенность она переваривала в «будет».

Он вспомнил, как впервые оказался в этом кабинете. Тогда еще был старый кабинет, с тяжелыми портъерами и портретами предшественников, которые смотрели на него с осуждением. Ему казалось, что они шепчут: «Ты кто такой? Ты что здесь забыл?»

Хороший вопрос.

Кто он такой?

Двадцать лет назад он играл в КВН. Потом был продюсером, актером, шоуменом. Потом сыграл президента в сериале. А потом страна, в которой шел сериал, решила, что актер справится лучше, чем профессиональные политики.

И вот он лежит под идеальным потолком, а за дверью ждут люди, которые будут записывать каждое его слово, чтобы потом продать эти слова избирателям, инвесторам, врагам.

Врагов у него было много. Он не знал их лично, но ему регулярно докладывали: «Этот — враг. Этот — друг. Этот — пока не определились». И он кивал, потому что не понимал разницы. Враг — это тот, кто хочет тебя убить? Друг — тот, кто хочет, чтобы ты жил? Но в политике все хотели, чтобы ты жил ровно до тех пор, пока ты им нужен. А потом — извините.

Телефон завибрировал. Сообщение от Сары Винтер: «Надеюсь, вы выспались. Сегодня важный день. Увидимся в одиннадцать».

Сара Винтер была председателем Европейской комиссии. Женщина с лицом учительницы, которая никогда не повышает голос, но после разговора с ней хочется стоять в углу и переписывать домашнее задание.

Андрей набрал ответ: «Всегда важен тот день, в который я вас вижу».

Он отправил и поморщился. Это была автоматическая реакция — говорить приятное тем, от кого зависит твоё выживание. За три года он научился делать это не задумываясь. Как дышать.

Но иногда он ловил себя на мысли: а где заканчивается автоматизм и начинается он сам?

И не находил ответа.

В одиннадцать он сидел в зале для переговоров. Напротив — Сара Винтер. Рядом с ней — Марк Рютте, генеральный секретарь НАТО. Человек-функция, у которого даже морщины на лице располагались симметрично, как на платёжной карте.

— Мы должны обсудить поставки, — начала Сара. — Ситуация сложная.

— Ситуация всегда сложная, — ответил Андрей. — Поэтому мы здесь.

— Дело не только в нас, — вставил Рютте. — Марк Стоун настаивает, чтобы Европа брала на себя больше. Он говорит, что Америка не может вечно...

— Я знаю, что говорит Марк Стоун, — перебил Андрей. — Он говорит это каждую неделю. В разных вариациях. Но суть одна: «Платите».

В комнате повисла пауза.

Сара посмотрела на Рютте. Рютте посмотрел на Сару. Андрей смотрел на них обоих и вдруг увидел эту сцену со стороны: три человека в дорогих костюмах решают, кому и сколько оружия отдать, чтобы убивали других людей, которые тоже в кого-то верят, чего-то хотят и тоже просыпаются по утрам под идеальными потолками.

— Вы понимаете, — тихо сказал он, — что мы сейчас обсуждаем не безопасность. Мы обсуждаем бизнес.

Сара чуть заметно дернула щекой.

— Андрей, мы все понимаем. Но иначе нельзя.

— Почему?

— Потому что мир так устроен.

— Кем?

Вопрос повис в воздухе. На него никто не ответил, потому что ответа не существовало. Или существовал, но его нельзя было произносить вслух.

Вечером был телемост с Марком Стоуном.

Марк сидел в своем кабинете во Флориде. За его спиной было окно с пальмами и океаном. Он выглядел так, будто только что вышел из душа после игры в гольф — свежий, розовый, довольный жизнью.

— Андрей! — заорал он в монитор. — Как дела, дружище?

— Нормально, Марк. А у тебя?

— У меня? У меня все охуенно, если ты это хочешь услышать. — Марк откинулся в кресле. — Слушай, я тебе прямо скажу: Америка больше не может тащить этот воз. Европа должна платить. Ты должен на них надавить.

— Я на них давлю.

— Дави сильнее. Ты же артист, ты умеешь. Сделай лицо, чтоб они заплакали и достали кошельки.

Андрей молчал.

— Ты чего? — Марк наклонился к камере. — Обиделся? Я ж по-дружески. Мы с тобой одной крови. Нас никто не любит, потому что мы говорим правду.

— Марк, а ты знаешь, что такое правда?

— Что?

— Не знаешь. — Андрей вздохнул. — Ладно, давай по делу. Сколько?

Марк назвал сумму. Андрей кивнул. Разговор был окончен.

После телемоста он сидел в темноте и смотрел на погасший экран. За окном горели огни Брюсселя. Город, который принимает решения за полмира, сам при этом тихий, аккуратный, европейский. Здесь не стреляют. Здесь только считают.

— Я актер, — сказал он вслух. — Я просто актер, который зашел не в ту гримерку.

Никто не ответил.

Глава 2. Шея, которая вертит головой

В тот же вечер, в другом часовом поясе, Марк Стоун разговаривал с Дэвидом Грином.

Дэвид звонил из Иерусалима. На его лице была та особая усталость, которая появляется у людей, слишком долго носящих броню.

— Марк, у нас проблема.

— У нас всегда проблемы, Дэвид. Конкретнее.

— Иран. Они близки к финалу. Если мы не ударим сейчас, через полгода будет поздно.

Марк задумался. Он умел думать быстро, но решения принимал медленно. За свою жизнь он понял одну вещь: большинство проблем решаются сами, если дать им время. Но Иран не был большинством проблем. Иран был проблемой, которая могла взорвать всё.

— Что говорит разведка?

— Разведка говорит, что они уже на финишной прямой. Обогащение вышло на военный уровень. Еще немного — и у них будет бомба.

— А что говорит твоя голова?

Дэвид усмехнулся в трубку.

— Моя голова говорит, что если мы не ударим, через два года мы будем разговаривать с Ираном как с ядерной державой. А они не любят разговаривать.

— Никто не любит разговаривать, — сказал Марк. — Все любят стрелять. Просто стрелять дороже.

— Ты за или против?

— Я за то, чтобы Америка была в безопасности. А как мы этого добьемся — мне без разницы. Ты же знаешь, я не люблю войну. Война — это убытки.

Дэвид молчал. Он знал, что Марк говорит правду. Марк действительно не любил войну. Но он любил победу. А иногда победа без войны невозможна.

— Я подумаю, — сказал Марк. — Дай мне неделю.

— У тебя нет недели.

— Тогда три дня.

Они попрощались. Марк положил трубку и посмотрел на океан. Океан был спокоен. Волны лениво накатывали на берег, как будто ничего не происходило.

— Сука, — сказал Марк вслух. — Ну почему именно сейчас?

Никто не ответил. Даже океан.

В это же время в Париже Пьер Дюбуа ужинал с советниками.

Пьер был молод, красив и амбициозен. Он хотел стать лидером Европы. Не формальным, как Сара Винтер, а настоящим — тем, кто говорит от имени континента и его слушают.

Но пока его не слушали. Кивали, улыбались, записывали в блокноты — а потом делали по-своему.

— Иран, — сказал один из советников. — Это наш шанс.

— То есть?

— Если мы выступим посредниками, мы покажем, что Франция — не просто страна, а глобальный игрок.

Пьер отложил вилку.

— Посредниками между кем и кем?

— Между США и Ираном. Если мы сможем посадить их за стол...

— А они хотят сидеть за столом?

Советник замялся.

— Пока нет. Но мы можем их заставить.

— Чем?

— Дипломатией.

Пьер посмотрел на него с жалостью. Дипломатия работала только тогда, когда за ней стояли танки. А у Франции танков было мало. Очень мало для того, чтобы диктовать условия Америке.

— Значит так, — сказал он. — Мы не лезем в Иран. Мы поддерживаем США, но публично призываем к миру. Чтобы все видели: мы — голос разума. А когда они увязнут, мы предложим план урегулирования.

Советники кивали. Пьер отправил в рот кусок мяса и задумался о том, как быстро власть превращает человека в циника. Еще пять лет назад он верил, что политика — это служение. Теперь он знал: политика — это позиционирование.

А в это время в Иерусалиме Дэвид Грин сидел в своем кабинете и смотрел на карту.

Карта была старая, еще отцовская. На ней были отмечены границы, которых уже нет, и города, которые давно переименовали. Но Дэвид любил эту карту. Она напоминала ему, что всё проходит. Империи, страны, люди. Проходит всё. Кроме одного.

Кроме ненависти.

Он знал это лучше других. Сорок лет в политике научили его одному: люди готовы простить что угодно — предательство, ложь, трусость. Но они никогда не простят, если ты забереешь у них врага. Враг — это единственное, что объединяет нацию.

Иран был идеальным врагом. Далеко, чтобы не видеть их лиц. Близко, чтобы бояться. Сильно, чтобы оправдывать любые траты. И главное — они действительно хотели их уничтожить.

Дэвид усмехнулся.

Они хотели уничтожить их. Они хотели уничтожить их. Какая симметрия.

Он поднял трубку и набрал номер.

— Готовьте документы. Мы наносим удар через месяц.

Глава 3. Голова, которая не знает, куда смотреть

Через месяц, 28 февраля 2026 года, самолеты взлетели с авианосцев в Персидском заливе.

Андрей узнал об этом из новостей. Он сидел в Киеве, пил кофе и смотрел трансляцию. Диктор говорил ровным голосом: «США и Израиль начали военную операцию против Ирана. Цели — ядерные объекты и военная инфраструктура».

Кофе стал горьким.

Андрей набрал номер Марка. Трубку взял помощник.

— Он на совещании.

— Сними его с совещания.

— Не могу.

— Тогда передай: я хочу знать, как это повлияет на поставки.

Помощник пообещал передать. Андрей знал, что не передаст.

Он выключил телевизор и посмотрел в окно. За окном был Киев. Город, который четыре года жил в режиме «завтра может не наступить». Люди привыкли. Они ходили на работу, влюблялись, рожали детей и делали вид, что война — это просто плохая погода, которая когда-нибудь кончится.

Андрей завидовал им. Они могли делать вид. Он — нет.

Потому что он знал то, чего не знали они: плохая погода никогда не кончается. Просто иногда дождь сменяется градом, а град — бомбежками.

— Господин президент, — в дверях стояла помощница. — Звонок от Марка Рютте.

— Соедини.

Рютте был краток.

— Андрей, ситуация сложная. Иранский конфликт отвлекает ресурсы. Мы не можем гарантировать прежние объемы помощи.

— То есть вы меня кидаете.

— Мы не кидаем. Мы перераспределяем.

— Это называется «кидаете».

Рютте вздохнул.

— Андрей, пойми: у нас нет выбора.

— Выбор есть всегда. Просто вы его не делаете. Вы плывете по течению и называете это политикой.

— А ты что предлагаешь?

Андрей замолчал. Он не знал, что предложить. Он вообще уже давно ничего не предлагал. Он только реагировал. Как боксер, который забыл, как наносить удары, и только закрывается.

— Я перезвоню, — сказал он и положил трубку.

Вечером того же дня он давал интервью французским журналистам.

— Как вы оцениваете ситуацию на Ближнем Востоке? — спросили они.

— Это сигнал Путину, чем заканчиваются диктатуры.

— Но Иран — союзник России. Это не ослабляет ваши позиции?

Андрей посмотрел на журналиста. Молодой, самоуверенный, с блокнотом, в котором уже написаны все ответы.

— Вы когда-нибудь были на войне?

— Нет.

— Тогда не учите меня, как она влияет на мои позиции.

Интервью закончилось раньше, чем планировалось.

Ночью он не спал. Смотрел в потолок и думал о том, что сказал Рютте. «У нас нет выбора». Всегда одна и та же песня. Выбора нет у тех, кто не хочет его видеть. А те, кто хочет, — они либо уже мертвы, либо сидят в тюрьмах, либо, как он, — в президентских креслах, откуда тоже не видно выхода.

В три часа ночи он набрал номер жены.

— Ты не спишь?

— Нет. А ты?

— Тоже.

— Что случилось?

— Ничего. Всё как обычно.

Она молчала. Она знала, что «как обычно» в его жизни означало «катастрофа».

— Приезжай, — сказала она. — Просто приезжай. Побудь здесь.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что если я приеду, я останусь. А оставаться нельзя.

Она не ответила. Он знал, что она плачет. Он тоже хотел заплакать, но разучился. Слезы закончились года два назад, когда он понял, что обратной дороги нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.